

Каретникова В.А.

Homines Novi: проблема доступа к консулату в I в. до н.э.

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1948>]

[Публикация работы:]

Каретникова В.А. 2011: Homines Novi: проблема доступа к консулату в I в. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 1, 3-10.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

© 2011

В. А. Каретникова

НOMINES NOVI: ПРОБЛЕМА ДОСТУПА К КОНСУЛАТУ В I В. ДО Н. Э.*

Статья посвящена анализу влияния знатности кандидата на его успех на консульских выборах в Римской Республике I в. до н. э. Термин «знатность» используется в значении, которое вкладывал в него Маттиас Гельцер. Хотя народ благосклонно относился к знатности кандидатов, всё же только этого фактора было недостаточно для того, чтобы выиграть консульские выборы. Не только потомки консуляров могли становиться консулами. Они часто проигрывали выборы, и невозможно рассматривать такие случаи как исключения. Знатное происхождение могло сыграть важную роль в успехе кандидата на консульских выборах только в том случае, если он имел и другие преимущества перед своими соперниками. Поэтому влияние этого фактора на выборах не следует преувеличивать.

Ключевые слова: Рим, консулат, консульские выборы.

Вопрос об участии в римской политике в I в. до н. э. так называемых «новых людей» является дискуссионным. На протяжении большей части XX в. учёными разрабатывалась концепция, согласно *которой* Рим являлся аристократической республикой, т. е. власть в ней находилась в руках влиятельных людей из знатных семей¹. Согласно одному из основных положений этой концепции, доступ в круг правящей элиты был строго наследственным и жёстко ограниченным². Однако, на наш взгляд, следует поставить вопрос о том, справедливо ли это утверждение.

Обратимся к результатам консульских выборов I в. до н. э. Являлась ли знатность кандидата решающим фактором достижения успеха? Становились ли кон-

Каретникова Вера Александровна — аспирантка Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: karetnikova_va@mail.ru

*Статья подготовлена в рамках научного исследования «Соискание магистратских должностей в Римской Республике III–I вв. до н. э.», выполняемого по Госконтракту П47 от 02.04.2010 г. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»; в рамках Госконтракта 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ по теме «Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование»; при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а «Системный анализ античной государственности на основе информационных подходов и создания проблемно-ориентированных баз данных».

¹ North 1990, 277–287.

² Ibid., 278.

сулами граждане, которые не могли сослаться на знатность происхождения, и если да, то насколько часто это происходило? Мы попытаемся ответить на эти вопросы на основании анализа данных консульских списков.

Одна из самых больших трудностей заключается в том, чтобы дать определение самому понятию «знатность» (*nobilitas*). В научной литературе существуют две основные его трактовки. Первая из них восходит к работам Теодора Моммзена — он считал нобилиями, т. е. знатными людьми, всех патрициев, а также потомков тех граждан, которые когда-либо занимали курульные магистратуры³. Другая была впервые выражена Маттиасом Гельцером — этот исследователь, основываясь на изучении терминологии источников (главным образом, трудов Цицерона корпуса), полагал, что в I в. до н. э. нобилиями именовались только потомки консулов⁴. Длительное время в литературе господствовало гельцеровское понимание нобилитета. Однако в 1982 г. Питер Брант опубликовал работу, в которой усомнился в правильности такой трактовки. Он предложил вернуться к определению, предложенному Моммзеном⁵. В 1984 г. Фергюс Миллар отметил, что сами античные авторы не использовали термин *nobilitas* по отношению к определённой замкнутой группе людей и в трудах античных авторов он встречается не настолько часто, чтобы считать его характерным для сохранившейся литературы позднереспубликанского периода⁶. В ответ на это появились работы в поддержку концепции Гельцера. Среди отечественных исследователей его позицию разделила Наталья Николаевна Трухина⁷. В 1986 г. Дэвид Шеклтон Бэйли в своей статье отверг наиболее существенные, по его мнению, аргументы Бранта⁸. А в 1990 г. вышла в свет работа Леонарда Буркхарда, в которой он подверг подробно рассмотрел обе позиции и пришёл к выводу, что трактовка Гельцера не нуждается в пересмотре⁹.

Необходимо отметить, что нельзя просто отказаться от гельцеровского определения *nobilitas*, поскольку им были проанализированы все имеющиеся источники, в которых употребляется этот термин, и нет оснований сомневаться в том, что это сделано достаточно тщательно. Обосновать справедливость моммзеновской трактовки значительно сложнее — главным образом потому, что она гораздо шире. Кроме того, она включает в себя понятие «патриции», которому применительно к I в. до н. э. дать чёткое определение едва ли не сложнее, чем самому термину *nobilitas*. Поэтому в настоящей статье мы принимаем за отправную точку понятие «знатность» в гельцеровском понимании, отчасти с целью проверить внутреннюю непротиворечивость его концепции в целом. При этом, конечно, нужно отдавать себе отчёт в том, что с помощью данной дефиниции невозможно полностью охватить сущность определяемого понятия. Однако если приходится выбирать между трудностями, к которым приводит использование какого-либо определения, и отказом от любых определений вообще, то нужно выбрать трудности¹⁰.

Гораздо более продолжительные дискуссии, чем трактовка понятия *nobilitas*,

³ Brunt 1982, 1.

⁴ Burckhardt 1990, 77.

⁵ Brunt 1982, 1.

⁶ Millar 1984, 11.

⁷ Трухина 1986, 34–36.

⁸ Shackleton Bailey 1986, 256–257.

⁹ Burckhardt 1990, 98.

¹⁰ North 1990, 283.

вызвало другое положение концепции Гельцера — что именно потомки консуляров из поколения в поколение входили в состав правящей элиты¹¹. В настоящий момент существуют работы, в которых представлен развёрнутые обзоры позиций по этому вопросу различных исследователей¹², поэтому мы не будем останавливаться на них подробно. Отметим лишь, что значительный, с нашей точки зрения, вклад в разрешение этого спорного вопроса внесла работа профессоров Кейта Хопкинса и Грэхема Бартона, которая была опубликована в 1986 г. В ней убедительно доказано, что узкий круг членов политической элиты был не в состоянии обеспечивать даже простое биологическое своё воспроизводство, не говоря уже о политической преемственности. Основываясь на демографических и статистических данных, они показали, что определённый процент консульских семей мог вообще не иметь наследников мужского пола, не говоря уже о детях-консулах. Тем более что претендовать на консулат можно было примерно с 40 лет, а смертность была высокой. Те же консулы, которые имели сыновей, доживших до 40 лет, не всегда были в состоянии финансировать политическую карьеру хотя бы одного из них. Всё это способствовало появлению вакантных мест для тех людей, которые не являлись потомками консулов¹³.

Если выводы этих исследователей справедливы, то можно предположить, что знатность тех соискателей из числа потомков нобилей, которые всё же выдвигали свои кандидатуры, должна была тем более способствовать получению ими должностей. Так ли это было на самом деле? Гарантировало ли происхождение от консуляра победу кандидата на консульских выборах? Для ответа на него обратимся к списку консулов I в. до н.э.¹⁴ и посмотрим, фигурируют ли в нём родовые имена, носители которых не отправляли эту магистратуру в III и II вв. до н.э. Таковые действительно есть. Перечислим их в хронологическом порядке.

В 99 г. до н.э. консулом был избран Марк Антоний, в 98 г. — Тит Дидий, в 94 г. — Гай Целий Кальд, в 93 г. — Марк Геренний, в 83 г. — Гай Норбан, в 81 г. — Марк Туллий Декула, в 76 г. — Гай Скрибоний Курион, в 73 г. — Марк Теренций Варрон Лукулл, в 72 г. — Луций Геллий Попликола, в 71 г. — Гней Ауфидий Орест, в 66 г. — Луций Волкаций Тулл, в 63 г. — Марк Туллий Цицерон, в 61 г. — Марк Пупий Пизон Фруги (этот консул происходил из знатного рода Кальпурниев), в 60 г. — Луций Афраний, в 58 г. — Авл Габиний, в 47 г. — Квинт Фуфий Кален и Публий Ватиний, в 45 г. — Гай Каниний. Все эти люди, ставшие в I в. до н.э. консулами, не имели предков, когда-либо занимавших данную должность. При этом Тит Дидий и Гай Целий названы Цицероном «новыми людьми» (*Cic. Mur.* 17). Среди всех вышеперечисленных только первый, Марк Антоний, имел потомков, которым на протяжении периода Республики удалось стать консулами. Нетрудно подсчитать, что из 114 консулов I в. до н.э. (начиная с 100 г. и заканчивая 44 г. до н.э.), не считая суффектов, 18 были людьми, родовое имя которых появляется в консульских списках впервые. Это примерно шестая часть всех консулов. Однако и те, кто носил известные родовые имена, не обязательно являлись потомками тех, кто уже отправлял эту магистратуру.

¹¹ *Ibid.*, 78.

¹² Дементьева 2004, 221–228; Смышляев, Одегова 2006, 64–78.

¹³ Hopkins, Burton 1983, 62–78.

¹⁴ <http://ancientrome.ru/gosudar/capitol.htm>.

Известными консульскими родами были Лицинии Крассы и Лицинии Лукуллы. Но самой высокой должностью, которой достигали предки Луция Лициния Мурены, была претура, хотя Цицерон и подчёркивает, что эта магистратура находилась в их руках в течение предшествующих трёх поколений (Cic. Mur. 15). Не было предков-консуляров у Марка Кальпурния Бибула¹⁵. Хотя сам род Кальпурниев был очень известным, гораздо более знамениты были Кальпурнии Пизоны. К подобным людям относился также Публий Рутилий Луп, консул 90 г. до н.э.¹⁶

Нельзя забывать и о том, что достаточно сложно проследить, действительно ли носители одинаковых номенов состояли между собой в родстве. По всей вероятности, путаница в этом отношении произошла ещё в древности. Цицерон замечает, что родственниками могут считаться все, кто носит одно и то же родовое имя, никогда не лишался своего правового состояния, у кого никто из предков никогда не был рабом, и считает это определение исчерпывающим (Cic. Top. 29). Варрон же предполагает, что все члены рода Эмилиев происходили от общего предка (Varro. LL. VIII. 4). Но в другом сочинении тот же Цицерон, говоря о похвальных надгробных речах, утверждает, что из-за них история полна ошибок, поскольку в них нашло отражение то, чего на самом деле не было, в том числе мнимое родство¹⁷. Показателен также ещё один пример из его сочинений. В одном из своих писем Аттику он стыдит Сципиона Метелла, который не знает, что его прадед не был цензором (Cic. Att. VI. 1. 17–18). Если случайно или осознанно могла искажаться память о сравнительно недавних временах, это было тем более возможно по отношению к людям, жившим в V–III вв. до н.э.

Стоит отметить присутствие в консульских списках I в. до н.э. имени Луция Корнелия Суллы, поскольку последним его предком-консулом был Публий Корнелий Руфин, который занимал эту должность в 290 г. и 277 г. до н.э. Он, как пишет Плутарх, покрыл себя позором, будучи изгнан из сената (Plut. Sull. 1). Сулла был его потомком в шестом колене. Более того, даже последнего в его роду претора отделяло от него почти 100 лет. Не случайно Плутарх называет его знатность сильно потускневшей (Plut. Sull. 1). Цицерон в своём диалоге «О законах» именует Суллу первым из патрициев-Корнелиев (Cic. De Leg. II. 57). Схожей была судьба семьи Сервия Сульпиция Руфа, консула 51 г. до н.э. Защищая Мурену, которого тот обвинил в незнатности происхождения, Цицерон отмечает, что знатность самого Сульпиция известна только знатокам старины, а доказательства её пришлось бы отыскивать в пыли летописей (Cic. Mur. 16). Сейчас трудно что-либо сказать о непосредственных предках-консулярах этого человека. Гельцер полагал, что он мог происходить от консулярного трибуна начала IV в. до н.э. (хотя в целом не считал такое происхождение основанием для причисления человека к нобилитету), а Питер Брант возводит его род к одному из консулов первой половины V в. до н.э.¹⁸ Однако уверенности в этом быть не может. На выборах Сульпицию не помогло

¹⁵ Drumann 1964, 48.

¹⁶ Brunt 1982, 8.

¹⁷ Cic. Brut. 62: «например, говорится о переходе предка из патрициев в плебеи, когда люди низкого происхождения производят себя от знатного рода, носящего то же имя, — вот как если бы я сказал, будто происхожу от патриция Манья Туллия, который был консулом вместе с Сервием Сульпицием на десятый год после изгнания царей» (перевод И.П. Стрельниковой).

¹⁸ Brunt 1982, 1.

даже то, что он был крупнейшим знатоком гражданского права, так что Цицерон, по всей вероятности, имел в виду именно его, когда говорил, что теперь законами занимается только один человек благодаря своему необычайному авторитету и знаниям (Cic. De Leg. I. 17). Сульпиций Руф стал консулом только 12 лет спустя, в 51 г. до н.э.

Сведений о кандидатах, проигравших выборы, значительно меньше, чем о победителях. Томас Роберт Броутон собрал их в работе «Кандидаты, потерпевшие поражение на римских выборах»¹⁹. Основываясь на этих данных, которые являются итогом многолетней скрупулёзной работы исследователя с античными источниками, можно сделать несколько любопытных наблюдений.

Консульские выборы в 94 г. до н.э. проиграл Гай Валерий Флакк, представитель чрезвычайно знатного рода. Ему удалось стать консулом только в следующем, 93 г. до н.э.²⁰ Победителями были провозглашены очень знатный Луций Домиций Агенобарб и в своём роду избранный консулом впервые Гай Целий Кальд. Мы не можем определённо сказать, какие личные качества помогли последнему одержать победу. Цицерон сообщает нам только то, что он был достаточно красноречив для того, чтобы помогать в судах друзьям и поддерживать собственное достоинство, но это посредственное красноречие всё же доставило ему почёт (Cic. Brut. 165; De orat. I. 117). Он также называет этого человека в числе «новых людей», которые достигали должностей ценой тяжёлых трудов, напрягая силы в борьбе с недругами (Cic. Verr. V. 180–181). Его брат Квинт отмечает, что знатные соперники не уступали Кальду ни в талантах, ни в щедрости, ни в подготовке выборов, и тем не менее один из них проиграл (Comm. Pet. 11).

Поражение на выборах, проходивших в 94 г. до н.э., потерпел Луций Марций Филипп, который в 91 г. стал консулом, а позднее цензором²¹. Над ним одержал победу Марк Геренний, избранный на эту должность в своём роду впервые. В диалоге «Брут» Цицерон отмечает, что он был хорошим оратором, старательным и с неплохим латинским языком и выиграл консульские выборы несмотря на то, что Марций Филипп был знатным человеком с широкими связями (Cic. Brut. 166). Защищая Мурену, он приводит этот случай в доказательство невозможности заранее предсказать исход выборов (Cic. Mur. 36).

В 66 г. до н.э. Публий Автроний Пет одержал победу на консульских выборах над представителями очень знатных родов Луцием Аврелием Коттой и Луцием Манлием Торкватом²². Только последующее осуждение победителей (Cic. Sull. 1) привело к новым выборам и к тому, что консулами стали Котта и Торкват. В 64 г. до н.э. Марк Туллий Цицерон обошёл на выборах очень знатных Публия Сульпиция Гальбу и Луция Кассия Лонгина²³. Ни тому, ни другому впоследствии не удалось достичь этой магистратуры. В 58 г. консульскую должность занял Авл Габиний, оставив позади одного из самых знатных людей того времени, Луция

¹⁹ Broughton 1991.

²⁰ Ibid., 19–20.

²¹ Ibid., 15.

²² Ibid., 7–8, 14.

²³ Asc. In toga candida, 1: “Sex competitores in consulatus petitione Cicero habuit, duos patricos, P. Sulpicium Galbam, L. Sergium Catilinam; quattuor plebeios ex quibus duos nobiles, C. Antonium, M. Antoni oratoris filium, L. Cassium Longinum, duos qui tantum non primi ex familiis suis magistratum adepti erant, Q. Cornificium et C. Licinium Sacerdotem”.

Корнелия Лентула²⁴. Наконец, в 51 г. до н.э. Сервий Сульпиций Руф, тот самый, чья знатность была известна только знатокам старины, стал консулом, получив на выборах больше голосов, чем Марк Порций Катон Младший, в роду которого было четверо консулов²⁵.

Подобных примеров достаточно много, поэтому в совокупности их нельзя назвать случайными, хотя отдельные прецеденты могли быть таковыми. При этом нужно помнить о том, что консулов I в. до н.э., предки которых никогда не занимали эту должность, было по меньшей мере двадцать три. Это означает, что как минимум ещё восемнадцать кандидатов (а, возможно, их было и тридцать шесть, и пятьдесят четыре) потерпели от них поражение. Несомненно, некоторая часть этого количества соискателей консулата происходила из консульских семей.

Таким образом, потомки консуляров могли терпеть поражения на консульских выборах, а представители других родов — становиться консулами, и такие случаи нельзя считать исключениями. Отсюда следует два возможных вывода: либо Маттиас Гельцер неверно дал определение нобилитета, либо занимать консульскую должность могли не только его представители. Второй вывод представляется нам наиболее вероятным. В любом случае очевидно, что два положения концепции Гельцера не согласуются между собой, если принять во внимание данные консульских списков.

Не следует отрицать, что в Римской республике I в. до н.э. существовал круг влиятельных семей, представители которых издавна отправляли высшие магистратуры, в том числе консулат. Во-первых, потомки высших должностных лиц с детства воспитывались в сознании того, что им необходимо будет добиваться тех же должностей, в том числе и для поддержания славы рода, а следовательно, всю жизнь прилагали соответствующие усилия (Cic. Att. IV. 8a. 2; Fam. I. 7. 9; XV. 12. 1; Sest. 136; Brut. 281; De amic. 11; De off. I. 116; II. 44; III. 6.). Во-вторых, граждане, которые не знали лично ни одного из кандидатов, конечно, более склонны были голосовать за обладателя хотя бы знакомого им родового имени. В-третьих, нужно помнить, что самые влиятельные семьи зачастую (хотя и не всегда) были весьма состоятельными, а это также имело большое значение при прохождении *cursus honorum*. По всей вероятности, у двух кандидатов в консулы, пользовавшихся равным уважением граждан, больше шансов победить на выборах было у того, чей предок занимал высшую должность. Именно таким образом можно трактовать данные трудов Цицерона, откуда исследователями было выведено само противопоставление понятий *nobilitas* и *novitas*. Доказательством этого могут служить результаты консульских выборов самого Цицерона, который одержал победу сразу над несколькими знатными людьми за счёт своей популярности. Впоследствии это не мешало ему выражать досаду по тому поводу, что «новому» человеку при прочих равных условиях всё же сложнее достичь вершин почёта, чем знатному (Cic. Verr. V. 180; De Leg. Agr. II. 3).

Дэвид Шэкleton-Бэйли справедливо отметил, что *nobilitas* — категория не правовая, а политическая²⁶, а следовательно, и сам род, и его слава могли угаснуть или забыться за давностью лет. Хотя на происхождение от выдающегося предка

²⁴ Broughton 1991, 10.

²⁵ Ibid., 15.

²⁶ Shackleton Bailey 1986, 260.

можно было при случае сослаться (как в примере с Сульпицием Руфом; как вёл себя в этом отношении Луций Корнелий Сулла, нам неизвестно), но в год предвыборной борьбы их собственное влияние и популярность среди избирателей значили гораздо больше. Отметим также, что, поскольку, по выражению Ю. Б. Циркина, «история любит победителей и не очень хорошо относится к побеждённым»²⁷, то и в источниках больше говорится о выигравших выборы, чем о тех, кто их проиграл. Более того, античные авторы были склонны подробнее освещать успехи в электоральных комициях представителей выдающихся родов. И историки концентрируют своё внимание на их победах, которые в ретроспективе кажутся более предсказуемыми, чем они были на самом деле²⁸. Но это не означает, что эти люди обладали большим личным авторитетом, чем те, кто впервые в своём роду вышел на политическую арену. Напомним, что даже представители чрезвычайно известных и могущественных ветвей отдельных родов проигрывали выборы относительно незначительным людям.

Таким образом, знатность играла существенную роль в успехе кандидата на выборах только в том случае, если соискатель обладал, помимо неё, ещё и другими преимуществами перед своими соперниками. Поэтому значение на выборах данного фактора не следует, на наш взгляд, преувеличивать.

ЛИТЕРАТУРА

Дементьева В. В. 2004: Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль.

Смышляев А. Л., Одегова Е. А. 2006: Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии // Академический клуб. Исторические науки. Античная история и классическая археология / В. В. Дементьева (отв. ред.). М., 64–78.

Трухина Н. Н. 1986: Политика и политики «золотого века» Римской республики. М.

Циркин Ю. Б. 2006: Гражданские войны в Риме: побеждённые. СПб.

Broughton T. R. S. 1991: Candidates Defeated in Roman Elections // Transactions of American Philological Association. 81.4, 1–64.

Brunt P. 1982: Nobilitas and Novitas // JRS. 72, 1–17.

Burckhardt L. 1990: The Political Elite of the Roman Republic: Comments on Recent Discussion of the Concepts Nobilitas and Homo Novus // Historia. 39, 77–99.

Drumann W. 1964: Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. Hildesheim.

Hopkins K., Burton G. 1983: Political Succession in the Late Republic (249–50 BC) // Death and Renewal / K. Hopkins (eds.). Cambridge, 62–78.

Millar F. 1984: The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 BC // JRS. 74, 1–19.

North J. 1990: Politics and Aristocracy in the Roman Republic // Classical Philology. 85, 277–287.

Shackleton Bailey D. 1986: Nobilis and Novi Reconsidered // American Journal of Philology. 107, 255–260.

²⁷ Циркин 2006, 4.

²⁸ Hopkins, Burton 1983, 33.

HOMINES NOVI: ACCESS TO CONSULSHIP IN THE 1st CENTURY BC

V.A. Karetnikova

This article examines the dependence of a candidate's success at consular elections of his nobility status in the Roman Republic of the 1st century BC. The author uses Matthias Gelzer's understanding of the term "nobilitas". Though people favored nobility status of candidates, yet this factor taken alone was insufficient to win consular elections. Consular descendants were not the only ones to become consuls. They often lost elections, and such cases cannot be considered exceptional. Noble origin could play an essential role in a candidate's success at consular elections only if he had other advantages over his contenders. Therefore the effect of this factor on the outcome of elections should not be overestimated.

Key words: Rome, consulship, consular elections.
